

НА ЧАШЕ ВЕСОВ — СУДЬБА КОРОЛЕВСТВА
И НЕЖНОЕ СЕРДЦЕ...

18+

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
КОРОЛЕВА
ЭЛЬФОВ!

Дж. М. Кёрл

Young Adult. Королева эльфов

Дж. М. Кёрл

Да здравствует Королева эльфов!

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кёрл Д.

Да здравствует Королева эльфов! / Д. Кёрл — «Эксмо»,
2022 — (Young Adult. Королева эльфов)

ISBN 978-5-04-247070-7

Лэйола боролась с тем, чтобы не влюбиться в него. Тэйн сражался за сердце своей возлюбленной. Теперь им предстоит узнать, сможет ли их любовь выдержать натиск тех, кто разлучил их. Несколько недель Лэйола провела без еды и воды, и её решимость начинает рушиться, когда над ней нависает злая тьма. Она — ключ к уничтожению Пустоши или возрождению её создателя, давно умершего Чёрного Мага, с которым у неё есть таинственная связь. Лэйола и Тэйн узнают, что значит бороться за любовь, когда их окружают враги, и это превращается в борьбу за месть, королевство и поиск истины о том, почему Лэйола, кажется, обладает силой. И от этого зависит, падёт ли Палэйнол во тьму или её имя — «Несущая Свет» — останется верным.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-247070-7

© Кёрл Д., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Руководство по произношению имен	6
Краткое содержание первой книги	7
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дж. М. Кёрл

Да здравствует Королева эльфов!

J. M. Kearnl
Long Live The Elf Queen

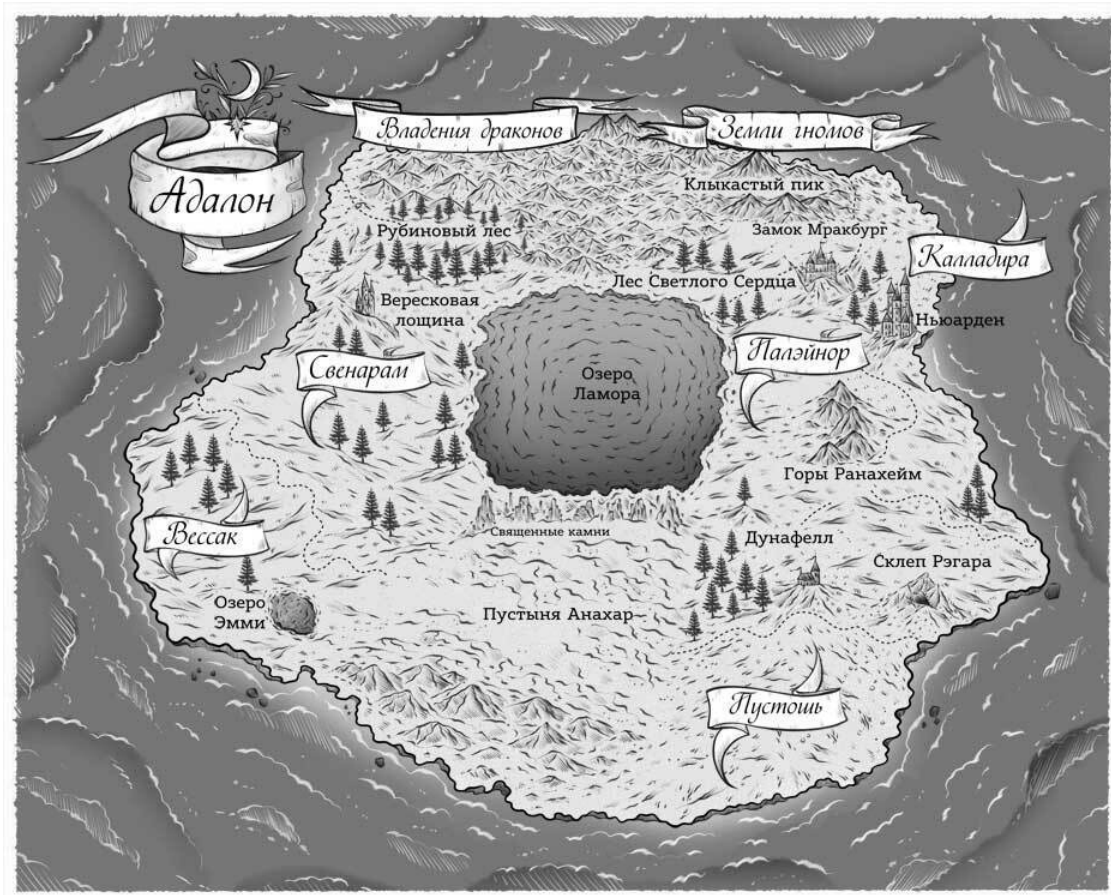
© J. M. Kearnl 2022

© Руденкова О., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Посвящается читателям, которым полюбилась наша озорная
гномка Тифапайн*

Руководство по произношению имен

Адли – Ад-ли (Ad-lee)
Алайсара – Ал-ай-сар-а (Al-I-sar-uh)
Аноми – А-ном-и (Uh-nom-ee)
Атара – А-тар-а (Uh-tar-uh)
Атаэль – Ат-а-эль (Ath-ā-el)
Валин – Ва-лин (Vuh-leen)
Давейн – Да-вей-н (Duh-vay-n)
Драконнан – Дра-кон-нан (Druh-co-nan)
Дрегас – Дрег-ас (Dreg-us)
Дромасс – Дро-масс (Draw-muss)
Зарахель – Зар-а-хель (Zar-uh-hel)
Йорен – Йор-ен (Yor-en)
Кейл – Кей-л (Kay-l)
Кэтмор – Кэт-мор (Cat-more)
Лейф – Лей-ф (Lay-ff)
Линдора – Лин-дор-а (Lin-dor-uh)
Лэйола – Лэй-ол-а (Lay-all-uh)
Нировия – Ни-ров-и-я (Ny-rove-ee-uh)
Олдрич – Ол-дрич (All-drich)
Рейгар – Рей-гар (Ray-gar)
Роунан – Роу-нан (Ro-nan)
Серафина – Сера-фин-а (Sera-feen-uh)
Сигфрид – Сиг-фри-д (Seeg-free-d)
Скарван – Скар-ван (Scar-van)
Тенэйбрис – Тен-эй-брис (Ten-eh-briss)
Фэннан – Фэн-нан (Fen-en)
Эвалин – Эв-а-лин (Ev-uh-lynn)

Вессак – Весс-ак (Vess-ach)
Вилхара – Вил-хар-а (Vill-har-uh)
Делфария – Дел-фар-и-я (Del-far-e-uh)
Калладира – Кал-ла-дир-а (Cal-uh-deer-uh)
Малок – Мал-ок (Mal-ock)
Палэйнол – Пал-эй-нол (Pal-eh-nor)
Придам – При-дам (Pre-dam)
Ривенгард – Ривен-гард (Riven-guard)
Рунвейл – Рун-вейл (Roon-vayle)
Свенарам – Свен-ар-ам (Sven-are-um)
Седерак – Сед-ер-ак (Sed-er-ack)

Краткое содержание первой книги

Всю свою жизнь Лэйола тайно готовилась к мести. Ее целью были король эльфов Тенэй-брис и его сын, принц Тэйн – те, кто обрек на смерть ее родителей и неустанно преследовал ее, последнюю из чародеек. Тэйн, с детства обрученный с Лэйолой, ждал возможности воссоединиться с невестой, но не мог этого сделать, пока не свергнет своего жестокого отца. Полагая, что расправился с королем, принц отправился в Вересковую Лощину – родной город Лэйолы, где она нашла убежище среди людей. Время действия связывающего их заклęcia истекало, и Тэйн должен был привести ее в свой дом, чтобы она заняла по праву принадлежащее ей место королевы Палэйнора рядом с ним.

Однако у Лэйолы были свои, куда более дерзкие планы. После неудачной попытки лишить принца жизни они заключили сделку: если Лэйола сумеет разорвать их магические узы, их пути разойдутся. На это ей было отведено восемь недель. За это время чародейка раскрыла страшную правду: враг намеревался использовать ее для воскрешения Черного Мага – создателя бледных. Эти проклятые эльфы, привлеченные ее силой, неустанно преследовали девушку, стремясь захватить ее.

В то же время Лэйола начала понимать, что Тэйн вовсе не тот безжалостный злодей, каким она его себе представляла. Проходя через множество испытаний и сомнений, они постепенно влюблялись друг в друга.

В конце концов она нашла способ разорвать связывающие их узы, но решила этого не делать.

Вместо этого она выбрала Тэйна.

Они уже строили планы на свадьбу, надеясь завершить брачный ритуал прежде, чем проклятие обратит их в бледных. Но отец Тэйна восстал из мертвых, а его союзница, вердрак Варлетт, разрушила связующие чары и оставила принца умирать в проклятом лесу. Лэйола оказалась в плену. С разбитым сердцем она задавалась лишь одним вопросом: жив ли Тэйн, и, если да, сможет ли он ее спасти?

Глава 1

Дождь барабанил по каменной башне, отбивая по крыше дробь, похожую на танец крошечных фей. Свежий, буйный аромат мокрой земли проникал в окно. Лэйола любила этот запах. Прежде он дарил ей покой и умиротворение. Но теперь ни он, ни бледный лунный свет, пробивающийся сквозь темные тучи, не могли унять ее боль. Улыбку, что прежде рождалась на ее губах, похитила лапа дракайны, пронзившая тело ее возлюбленного. Лэйола потеряла нюющие виски и взяла свое единственное утешение – грязную голубую подушку. От нее пахло вековой пылью, но девушка прижала ее к себе, обнимая в поисках тепла. Она не обращала внимания на колючую солому, торчащую сквозь дырявую, грубую простыню под ней. Это служило напоминанием о том, что она все еще жива.

«Приди ко мне. Ты нужна мне».

– Тэйн, – прошептала она, когда этот глубокий, успокаивающий голос вновь прозвучал в ее голове.

Могло ли это быть правдой, если связь между ними была разорвана и стерта? Или же ее собственный разум играл с ней жестокую шутку? Она не могла сказать наверняка, но эта неопределенность лишь усиливала пульсирующую боль в груди.

«Приди ко мне. Прошу».

– Я не могу, – тихо ответила Лэйола, уткнувшись лицом в подушку.

Зубы ее стучали от холодного ветра, а брызги ледяных капель, летевшие в единственное открытое окно, делали одежду влажной. Эта круглая комната из серого камня стала тюрьмой, и ее унылый цвет нагонял такую же тоску, как осенние дожди. Отсюда было лишь два выхода: окно на двадцатиметровой высоте и массивная дверь, всегда запертая снаружи. Всегда.

– В самые темные зимние дни вспоминай яркие летние цветы. Вспоминай сладкие ароматы лаванды и цитрусов, вспоминай улыбки, и они помогут тебе пережить бесконечную ночь, – шептала себе Лэйола.

Тетя Эвалин всегда повторяла эти слова, когда невзгоды грозили поглотить ее. В детстве, в Вересковой Лощине, где не бывало долгих и темных зим, она не понимала их. Но теперь,

оказавшись в бесконечном кошмаре, от которого отчаянно хотела проснуться, Лэйола осознала их глубокий смысл.

Из сухих глаз на потрескавшиеся губы скатились слезы. Лэйола удивлялась, что еще способна плакать. Сколько дней миновало? Один рассвет сменялся другим. Дни и недели слились в мутную пелену. Сколько времени прошло с тех пор, как Тэйн прислал ту записку?

«*Я иду за тобой, Лэя*». Сколько времени она провела без еды и воды? Недели? Она уже не помнила.

«*Ты нужна мне*», – донесся шепот.

Неужели его голос, дразнящий ее, лишь обман чувств? Есть ли он до сих пор на свете?

Дверь со скрипом отворилась. Внутри шагнул все тот же рыжеволосый стражник, что приходил на рассвете, в полдень и после заката. Сегодня его меч мирно висел на боку, а не был занесен для удара. Оба знали: теперь она слишком слаба, чтобы нападать, как пыталась прежде. Насвистывая до жути веселый мотив, он прошел по скрипучим половицам. Они ни разу не обмолвились и словом. За многие недели он был единственным, с кем она виделась, но даже имени его не знала. Высокий и худой, он был сильнее ее и владел оружием, которым не боялся воспользоваться.

Лэйола лежала на боку не шевелясь, пока он вгонял ей в руку шип, призванный подавить ее магию. Бряцание металлического ночного горшка, которого он коснулся сапогом, гулким эхом разнеслось под сводчатым потолком. Стражник равнодушно хмыкнул и оставил горшок на месте. Она не пользовалась им уже пару дней. В ней ничего не осталось. Будь она человеком, давно бы умерла.

Дверь щелкнула, запираясь; тихо проскрежетал засов; и она села. Ее взгляд уперся в темное дерево, испещренное тонкими царапинами и вмятинами. Ей казалось, она до сих пор слышит отголоски собственных криков. Лэйола опустила глаза на свои пальцы, и ее подбородок задрожал. Ногти были сломаны и расщеплены, а кисти покрывала запекшаяся кровь.

Физическая боль, даже мучительный голод и жажда были второстепенны. Куда хуже было не знать, где Тэйн, и не чувствовать его. Что стало с Пайпер, Фэннаном и Тифапайн? Неужели Тенэйбрис уничтожил Вересковую Лощину? Захватил ли он тетю Эвалин, и грозит ли ей смерть?

Единственной надеждой оставалось то, что он сохранит им жизнь, дабы использовать как рычаг давления на Лэйолу, и что Тэйн придет прежде, чем это случится. Он должен прийти...

– В самые темные дни вспоминай яркие летние цветы...

Голос ее прервался, а тело затряслось в беззвучных рыданиях. Надежда? Что теперь значило это слово? Она потянулась к груди в поисках знакомого, истертого клочка бумаги, который всегда прятала за корсажем.

Она резко села, и паника сдавила грудь. Лихорадочно ощупывая постель, она искала единственное доказательство того, что Тэйн жив, когда все вокруг настаивало на его смерти. Свет полумесяца, проникавший в окно, был достаточно ярким, чтобы хоть что-то разглядеть, но тени вокруг выглядели зловеще.

– Где она?

Дрожащие руки оставляли свежие кровавые полосы, пока она отчаянно скребла ткань в поисках.

Она спустила ноги на пол и опустилась на колени, чтобы заглянуть в узкую щель между кроватью и камнем. *Где же она?!* Неужели образ мертвого Тэйна окончательно сломил ее рассудок? Создатель всемогущий, что, если записка ей лишь пригрезилась? Она ведь видела его изувеченное, окровавленное тело с зияющей раной в животе... Он не двигался и не дышал...

Она подползла к окну и, опираясь на ослабевшие ноги, вцепилась в каменный выступ. С тихим стоном, поднатужившись, она подтянулась выше. Сердце колотилось так яростно, что, казалось, вот-вот разорвется. *Я не могу дышать. Я не могу дышать.* Наконец, высунувшись

из своей каменной клетки, она налегла грудью на выступ. Одна ее рука повисла вниз, а другой она отчаянно цеплялась за холодный камень. Порыв стылого ветра ударил в лицо, и ледяные капли вывели ее из оцепенения.

– Тэйн, где же ты? – прошептала она, глядя вниз на стражников, что расхаживали по безупречным дорожкам.

Неужели они и впрямь ничего не замечали? Или им было все равно, что их мнимая спасительница томится здесь в заточении? Хоть кто-нибудь должен был слышать ее крики.

Лэйола сложила ладони чашей в надежде собрать достаточно дождевой воды, чтобы смочить пересохшее горло. Но мелкие капли лишь увлажнили кожу – природа будто дразнила ее. И все же она жадно слизала влагу с ладони.

Прерывисто вздохнув, она повернула голову, чтобы заглянуть обратно внутрь. У ножки кровати лежал маленький скомканный клочок бумаги – ее лучик надежды. Оттолкнувшись от стены, Лэйола ринулась к нему и прижала к груди. Опустившись на колени, она расправила записку и прочла прекрасные строки:

Я иду за тобой, Лэя.

Тэйн

Она забралась обратно в постель, спрятала записку под одежду и наконец погрузилась в сон.

Скрип петель вырвал Лэйолу из забытья. Слипшиеся ресницы дрогнули, и глазам открылся намек на утреннее солнце, что заливало комнату теплом после холодной темной ночи. Легкие шаги заставили ее сердце забиться чаще. Это была не походка ее обычного охранника. Она замерла, едва дыша, и только крепче сжалась в комок, прижимая к себе маленькую голубую подушку. Лэйола ненавидела себя за эту слабость, за то, что съежилась, словно ребенок, страшющийся чудовищ. Но даже вчерашняя попытка доползти до окна отняла у нее последние силы.

Мелькнула прядь светлых волос, и к горлу подкатил ком. *Нет, только не он. Только не он.* Ее сны наводняли кошмары: ухмыляющееся лицо короля Тенэйбриса, склонившегося над окровавленными телами ее родителей, нависающего над Тэйном и хохочущего, как старая карга. Он хватал ее за волосы, выдирая пряди с корнем, и кричал, заставляя смотреть. *«Посмотри, что ты наделала!»* Она видела себя будто со стороны: глаза крепко зажмурены, все тело дрожит в его хватке, а из груди рвутся рыдания и мольбы о пощаде.

Она судорожно втянула воздух.

Это нереально. Этого не может быть.

– Лэйола.

Она узнала голос Олдрича, в котором послышалась... печаль?

Лэйола медленно приоткрыла один глаз, затем другой, чтобы убедиться, что это и вправду он. Его светлые волосы были стянуты в тугий узел, отчего лицо казалось еще суровее, а заостренные уши – острее. Как она раньше не замечала его сходства с Тенэйбрисом? Олдрич был точной его копией. Его некогда яркие, сияющие глаза теперь смотрели на нее с невыносимой тяжестью. Он сжал губы и протянул руку.

Собрав последние остатки сил, Лэйола оттолкнула его ладонь.

– Не смей, – прорычала она.

– Тебе нужно встать. Пойдем вниз.

Он был слишком терпелив, слишком спокоен. Она не доверяла этому напускному благодушию после того, как он ударил ее по голове рукоятью меча и пнул в ребра. Синяки и ссадины давно зажили, но память осталась.

– Тебя пригласили на завтрак.

Завтрак... При одной мысли о еде у нее свело желудок, а рот наполнился слюной. Картофель, яйца, фрукты. Вода. Больше всего на свете она жаждала воды. Язык казался наждаком, а в пересохшем горле першило и саднило. Она растерянно моргнула. Зачем ему выводить ее из этой комнаты ради завтрака? Лэйола перекатилась на бок и накрыла голову подушкой. Это, несомненно, ловушка, хитросплетение, в которое Лэйола не позволит себя втянуть. Либо это лишь видимость доброты, либо, что гораздо вероятнее, если сам король желает видеть ее за столом, значит, у них уже готов план на ее счет...

– Лэйола, – укоризненно произнес он, будто она была маленьким ребенком, не желающим вставать на занятия. – Ты, должно быть, изнываешь от жажды и голода. Прошло двадцать восемь дней.

– Нет.

– Ты хочешь остаться здесь навсегда?

Какой глупый вопрос. Словно она сама просила об этом. Звук плещущейся в сосуде жидкости заставил ее повернуться к Олдричу. Его почти белая туника была слишком накрахмаленной, слишком чистой. Даже руки, державшие металлическую флягу, казались мягче. Очевидно, он сбежал от Тэйна и Воронов, чтобы предаться роскоши, предложенной отцом.

Капля воды соскользнула с фляги на койку. В горле горело, будто сухой кремний высекал искры. Дрожащая рука потянулась к воде. Само это усилие вызвало в ней гнев. Он отодвигал флягу, не давая дотянуться. Глаза защипало от яростных слез. *Ублюдок. Ублюдок. Ублюдок.* Она мысленно повторяла это слово, пока рука не упала обратно на постель.

– Ты настолько слаба? Можешь хотя бы сесть?

Он не насмеялся; в его голосе звучала неподдельная тревога, но Лэйола была уверена, что это лишь притворство.

В тот момент ей с трудом удавалось даже вдохнуть.

Олдрич бережно подставил руку, помогая ей подняться. Изможденная и обессиленная, она не могла сопротивляться.

– Давай. Выпей. Прошу.

Она вжалась спиной в каменную стену, а он тем временем открутил крышку фляги. Холодный металл коснулся ее губ, и следом по языку скользнула вода. Она облегченно простонала. Ничто и никогда не казалось ей таким желанным. В несколько глотков осушив флягу, Лэйола вскинула подбородок и уставилась на Олдрича пустым взглядом.

– Я убедил отца позволить тебе поесть. Пойдем вниз.

– Какой в этом смысл?

– Я пытаюсь тебе помочь.

– С чего вдруг такая забота? Я здесь из-за тебя. Просто дай мне умереть.

Ей действительно было все равно.

Его губы сжались в тонкую линию.

– Ты не умрешь, Лэйола. Ты эльф. Твое тело впадет в спячку ради выживания, и ты уснешь. На месяцы, а то и годы.

Она чувствовала эту глубинную, доходившую до самой души усталость с каждым ударом замедляющегося сердца. Еще несколько дней, и она бы погрузилась в тот самый сон, о котором он говорил. Олдрич обхватил ее рукой за талию и помог подняться. Она зацепилась локтем за его шею, и ее ноги безвольно качались в такт его шагам, пока он нес ее на себе.

Переступив порог, она ощутила странный страх. Покинуть свою темницу, чтобы шагнуть в неизвестность... навстречу тирану, что держал ее в заточении. Они начали спускаться по винтовой лестнице, и ее босые ступни царапали холодный камень. Мышцы ныли и горели, но было приятно наконец использовать их для чего-то большего, чем пара шагов до окна.

– Предупреждаю сразу, – сказал Олдрич, когда они достигли подножия лестницы, – у нас гости, которые желают тебя видеть.

Почему слово «гости» прозвучало так зловеще?

– Кто? Олдрич, если это моя тетья... если я тебе хоть капельку небезразлична, выведи ее отсюда. Умоляю.

Она всегда считала, что выше мольбы, но ради тети Эвалин была готова на все.

– Это не она. Когда солдаты прибыли, ее уже не было. Похоже, кто-то предупредил, что мой отец придет за ней.

Лэйола взглянула на него:

– Кто-то?

Тэйн? Так вот где он был? Неужели он позаботился о том, чтобы ее тетю Эвалин и остальных жителей родного города не вырезали? От этой мысли на ее губах появилась слабая улыбка. Должно быть, поэтому он еще не пришел... но тогда почему его голос в ее голове умоляет ее прийти к нему?

По коридору к ним двигался отряд стражников, на чьих латах красовался герб Палэйнора. Лязг их сапог эхом отдавался от стен, нарушая безмятежность пространства. На них были темно-серые боевые шлемы с заостренным верхом, отличающиеся от крылатых шлемов Воронов, а ноги защищали щитки, доходившие до колен. Один из стражников нес длинный посох из темного дерева. По мере их приближения разговоры стихли. Они замедлили шаг и с жалостью посмотрели на Лэйолу. Создатель, она никогда не хотела, чтобы на нее так смотрели. Один из них открыл было рот, словно собираясь что-то сказать, но низкого рычания Олдрича оказалось достаточно, чтобы они прошли мимо. Раньше эти стражники ей улыбались, а теперь в их взглядах читался страх.

– Я так и не нашел твою гномку, – сказал Олдрич, продолжая почти нести ее к месту назначения. – Должно быть, она в безопасности.

Тиф в порядке? Эта мысль немного облегчила тяжесть, давившую на плечи. Хоть какая-то добрая весть.

Лишь через несколько минут Лэйола узнала помещение, в которое они попали. Ее комната, «покои Звездного света», что рядом с покоями Тэйна, оказалась сразу за углом. Встроенные в ниши доспехи и букеты свежих полевых цветов в серебряных вазах, расставленных на подставках, были ей знакомы до мельчайших деталей. Это было место, которое она могла бы называть своим.

Олдрич остановился перед дверью из красного дерева, потянул вниз золотую ручку и толкнул створку.

– Скоро придут Рейна и Перл, чтобы помочь тебе искупаться и одеться.

Лэйола высвободилась из его хватки и шагнула вперед, ощутив внезапный прилив сил. Эта комната дарила ей толику утешения посреди мучений последних недель.

– Служебный проход навсегда перекрыт, так что не вздумай ничего выкинуть, – предупредил он. От его сочувственного взгляда у нее волосы на затылке встали дыбом. словно она была птицей со сломанными крыльями, которой уже никогда не взлететь. – Я знаю, что ты любила его. – Он умолк, и желваки на его скулах дрогнули. – Но и я тоже.

Сглотнув подступивший комок, Лэйола ответила:

– Ты не ведаешь, что значит это чувство. Любовь к нему привела бы тебя в темницу, а не на сторону Тенэйбриса.

Опустив взгляд, Олдрич закрыл дверь. Резкий звук отозвался мурашками по коже. С некоторых пор Лэйола ненавидела закрытые двери. Прежде она никогда не боялась замкнутых пространств, но подступающая тревога, наполнявшая ее душу ледяным ужасом, говорила теперь об обратном. Она тряхнула головой, стараясь отогнать гнетущее чувство, выдвинула ящик туалетного столика и улыбнулась, увидев свертки из серебряной фольги.

– Спасибо, Тифапайн.

Разорвав шесть оберток, Лэйола отправила в рот первый шоколадный трюфель. Он таял на языке, словно мед, и она почувствовала, как сладость наполняет ее новыми силами. Остальные конфеты она проглотила так быстро, что не успела по-настоящему насладиться их вкусом.

Тихий стук заставил ее вздрогнуть. Тревога сдавила грудь, и сердце забилось так сильно, что зашумело в ушах. Лэйола поспешно сгребла пустые обертки, спрятала их в ящик и задвинула его, держа руки за спиной. Она обернулась как раз в тот миг, когда в комнату вошли Рейна и Перл. Напряжение тут же оставило ее, а на глаза навернулись слезы, застилая все пеленой. Рейна прижала ладонь к груди, ее подбородок задрожал. Перл пересекла комнату и заключила Лэйолу в объятия. Та сперва замерла, но потом ответила на них, и грудь согрело их доброе участие. За целую вечность это были первые дружелюбные лица, что она видела. Слезы, которые она так долго сдерживала, беззвучно покатались по щекам.

– О, милая моя девочка, – произнесла Рейна, медленно шагнув к ней. – Мне так жаль.

Она подбежала и крепко обняла Лэйолу и Перл.

– Мы слышали, что вас заперли в башне и морили голодом, – срывающимся голосом проговорила Перл. – Столько всего изменилось... Жаль, что мы не смогли вам помочь.

Лэйола отстранилась первой, вытирая мокрые щеки:

– Вы ничего не могли сделать.

– Нам велено лишь искупать вас и приготовить к завтраку с королем Тенэйбрисом, но... – Рейна достала из кармана белый платок. Развернув его, она показала Лэйоле кусок хлеба, лежавший на ладони, и, кивнув, вложила его в руку девушки. – Ешьте. А мы тем временем наполним вам ванну.

Принимая хлеб, Лэйола почувствовала, как рыдание застряло в горле.

– Спасибо, – прошептала она.

Ее голос звучал надломленно, сокрушенно, совсем не так, как прежде.

Лэйола присела на мягкое, шелковистое ложе, поглощая хлеб медленнее, чем до этого шоколад. Она коснулась зеленых лоз, что обвивали столбики кровати, и по привычке подняла взгляд к тайному убежищу Тиф в надежде увидеть ее там. Но там было темно и пусто, как и в ее душе.

Вскоре Рейна и Перл проводили ее к дымящейся ванне. Лэйола не сопротивлялась, когда они бережно сняли с нее одежду и помогли погрузиться в золотую купель на изогнутых ножках. Она опустилась в горячую воду, чувствуя, как та успокаивает грязную, воспаленную кожу. Рейна намылила ей волосы душистым мылом с ароматом цитруса и лаванды, и этот запах напомнил о словах, что она шептала в той комнате в башне. Записка от Тэйна, должно быть, прилипла к телу – теперь она намокла, и чернила начали расплываться. Лэйола попыталась схватить ее, но хрупкая бумага растаяла на кончиках пальцев. Создатель, нет. Беззвучные рыдания сотрясли ее тело, когда от послания осталось лишь его имя.

– Что это была за бумага?

Лэйола смотрела, как последние капли чернил превращаются в кляксы, пачкая сломанные ногти и исцарапанные пальцы, пока Перл не взяла ее руки в свои. Лэйола так и не ответила, погруженная в свои мысли. Возможно, это было к лучшему, что никаких доказательств спасения Тэйна не попадет в руки врага.

– Что случилось с вашими пальцами, милая?

Лэйола с трудом сглотнула, подавляя нахлынувшие воспоминания:

– Я хотела выбраться. Я хотела...

Тэйна. Но она не произнесла его имя вслух.

Перл смахнула с глаз огненно-рыжую прядь и с печалью покачала головой. Она обмакнула губку в мыльную воду и принялась осторожно омыwać руки Лэйолы. Взгляд девушки стал отсутствующим, пока служанки ухаживали за ней так, как она никогда прежде не позволяла.

На глаза навернулись слезы: какой же высокомерной и грубой она была с ними, а они все равно проявляли к ней уважение и заботу.

– Я сказала сыну, что мы сегодня увидимся с вами. Сэр Олдрич сообщил нам об этом вчера вечером, – сказала Рейна. – Мой мальчик все расспрашивал о вас.

– Не знала, что у вас есть сын, – ответила Лэйола, удивляясь, почему никогда не интересовалась этим раньше. – Сколько ему? Как его зовут?

– Чарли, ему девять. Создатель благословил нас им после долгих лет ожидания.

Перл улыбнулась:

– Он прелестный мальчик. Постоянно говорит, как сильно хочет с вами познакомиться.

Вы его кумир.

– Я? – изумилась Лэйола.

– О да, – подтвердила Рейна, гордо улыбаясь, словно сын стоял рядом с ней. – Видите ли, он всегда мечтал стать магом. И у него черные волосы и голубые глаза, совсем как у вас. Он прекрасный ребенок, а когда вырастет, станет настоящим красавцем.

– Что ж, передайте ему, что я с радостью познакомлюсь с ним... когда-нибудь.

Это «когда-нибудь» надолго повисло между ними.

Рейна кашлянула, чтобы прочистить горло.

– Когда все наладится, – а мы должны верить и надеяться, что так и будет, – вы непременно с ним познакомитесь.

Лишь когда вода в ванне остыла, Лэйола поднялась и вытерлась полотенцем. Она уставилась на свое отражение в большом, отделанном золотом зеркале. Не зная точно, чего ожидать, – быть может, впалых щек и выпирающих ребер – она с удивлением обнаружила, что ее пышная грудь осталась прежней, хотя ключицы проступали острее. Потеря веса лишь подчеркнула рельеф ее мощных бедер. Мышцы на плечах, возможно, немного потеряли в объеме, но незначительно. Талия стала чуть тоньше, а округлость бедер не так бросалась в глаза, как прежде, но каким-то чудом тело сохранило свои очертания, словно отказываясь становиться хрупким и изможденным. Быть может, частица ее магии вплелась в каждую клетку, поддерживая в ней силу.

Она чувствовала себя слабой, но по ней этого не было видно. Кожа утратила свой бронзовый загар, а из взгляда исчезла былая огненная ярость. Девушка, смотревшая на нее из зеркала, казалась печальной и опустошенной. Даже она сама это видела. Кем была эта девушка? Уж точно не Лэйолой Несущей Свет, что сражалась с бледными и уничтожала тех, кто пытал и едва не погубил ее возлюбленного.

Рейна накинула на плечи Лэйолы шелковый халат лазурного цвета и усадила в мягкое кресло того же оттенка. Она принялась расчесывать спутанные иссиня-черные волосы Лэйолы, что ниспадали до самых бедер, а Перл тем временем добавила румянца ее щекам и губам. За окном щебетали птицы, и снизу доносились приглушенные голоса прохожих. Молчание не тяготило, но Лэйолу мучило множество вопросов, а съеденный хлеб с шоколадом придали ей сил и смелости.

– Что, по словам Верховного Короля, случилось с... – начала она, бросив взгляд на свое запястье. Там, где всегда была связующая руна, теперь оставалась лишь гладкая, нетронутая кожа, – Тэйном?

Произнести его имя было слишком тяжело.

Рейна перестала расчесывать ее волосы. Перл подняла на подругу темные глаза. Что бы ни случилось, это было не к добру.

Рейна прокашлялась и заговорила первой:

– Король... Ой, принц Тэйн был приговорен к казни за измену, потому что пытался убить короля Тенэйбриса с целью захвата трона.

– Это ложь, – отрезала Лэйола, и в ее груди вспыхнул огонь, который, как ей казалось, давно погас. – Он сделал это потому, что Тенэйбрис хочет предать всех нас Черному Магу.

Глаза Перл слегка расширились.

– Черному Магу? Вы упоминали об этом, когда только прибыли... Вы все еще считаете это возможным?

– Я знаю, что это так.

– Возвращение короля Тенэйбриса очень удивило нас всех, – начала Рейна. – Это случилось в день возвращения Воронов из Дунафелла. Он вошел через главные ворота, в короне, а рядом с ним был сэр Олдрич. Мы ликовали, что наш Верховный Король жив. Но потом он объявил, что принц Тэйн пытался его убить. Он начал арестовывать верных принцу соратников, чтобы допросить их. А потом допросы сменились казнями прямо на улицах. Вскоре мы услышали, что вас держат в башне. Мы все до смерти боимся, что следующими лишимся голов. – Рейна вздохнула, понизив голос. – Но хуже всего то, что я и сама почти поверила королю Тенэйбрису.

Лэйола вскочила со стула, резко повернувшись к ней:

– Но теперь не веришь?

Рейна беспокойно перебирала пальцами.

– Кажется, я видела то, чего, полагаю, не должна была видеть.

– Что? – в один голос потребовали Лэйола и Перл.

– В замке... чужак. – Рейна слотнула. – Я мельком увидела его руку, белую как снег, с черными когтями. – Голос ее дрогнул. – Думаю, он тоже мог меня заметить. Он был с головы до ног закутан в плащ, но снял перчатку. Боюсь, он может быть... – Она осеклась и покачала головой.

– Бледным, – закончила Лэйола.

Перл ахнула:

– Нет, этого не может быть.

Рейна испуганно огляделась по сторонам:

– Я не понимаю, зачем королю Тенэйбрису пускать проклятого в замок. Что происходит?

По коже Лэйолы пробежали мурашки. Ее взгляд метнулся к двери, ведущей в спальню. Матэйкис, предводитель бледных... несомненно, это он. Тэйн упоминал, что Тенэйбрис давно заключил с ним союз. Лэйола схватила Рейну за руку.

– Послушайте меня. Тенэйбрис намерен выдать меня генералу Матэйкису из-за моей магии. Помните, я рассказывала, как мои родители погибли, чтобы уберечь меня от Верховного Короля? Они знали, что Тенэйбрис использует меня во зло. Теперь вы понимаете, не так ли? Он жаждет возвращения Черного Мага. Мне нужно бежать отсюда.

Перл подавила рыдание, прикрыв рот рукой. В глазах Рейны вспыхнул ужас, и она отшатнулась на шаг, словно одно лишь упоминание его имени лишало ее сил.

– Они перекрыли проход для слуг. Из этой комнаты нет другого выхода, кроме как через парадную дверь, а там наверняка стоят стражи.

Это был единственный путь наружу. Словно она могла вот так просто выйти отсюда. Лэйола бросилась к окну и распахнула его. Зеленые лозы, обвивавшие оконную раму, могли оказаться достаточно длинными, чтобы спуститься почти до самой земли. Оттуда можно было зацепиться за кладку или рискнуть спрыгнуть. Падать было не так уж и высоко. Главной трудностью было остаться незамеченной стражниками, чьи патрули проходили мимо двери с определенной периодичностью.

В дверь трижды тяжело постучали. Проклятие.

Лэйола резко обернулась и ткнула пальцем в сторону горничных:

– Не открывайте.

Она сглотнула, глядя сквозь арку в спальню, где за дверью кто-то ждал. Если это Мат-эйкис...

Плач Перл эхом отдавался в отделанной мрамором ванной. Рейна обхватила себя руками и попятилась в угол.

– Мы должны. Король Тенэйбрис казнит нас, если вы уйдете. Он решит, что мы помогли вам. Он уже убил нескольких личных слуг принца Тэйна.

Рот Лэйолы удивленно открылся.

– За что он убил слуг Тэйна?

Отношение к Воронам было понятно, но слуги?

Перл тыльной стороной ладони утерла покрасневшие щеки:

– Мы не знаем, но уверены, что будем следующими.

– Потому что он усомнился в их верности, как усомнится и в нашей, – сказала Рейна.

В дверь ударили кулаком – теперь четыре раза, и каждый удар был сильнее предыдущего.

– Лэйола, ты готова? Верховный Король ждет, и боюсь, он не так терпелив, как был Тэйн.

Лэйола взглянула на своих служанок – на их бледные, испуганные лица.

Стиснув зубы, она решительно произнесла:

– Несите мне платье. И быстро.

Глава 2

Серебряные каблуки туфель Лэйолы едва слышно простучали, когда она шагнула в коридор и осторожно прикрыла за собой дверь. Перепуганные горничные остались внутри, чтобы прийти в себя. Позволить Олдричу увидеть их панику значило бы неминуемо пробудить его подозрения. Он бы непременно задался вопросом, отчего они так взволнованы.

Взгляд предателя прошелся по ее фигуре – скорее оценивающе, чем похотливо, хотя и вожделение в нем тоже таилось. Лэйолу едва не стошнило при мысли о том, какие образы рождаются в его голове. Высокий ворот золотого платья скрывал шею, корсет утягивал талию, а несколько слоев тяжелой ткани создавали пышный силуэт от бедер до пола. Она намеренно выбрала наряд, не открывавший ничего лишнего – ни единой части тела, ни единой соблазнительной линии.

– Ты поистине прекрасна. Мы с Фэннаном поспорили: он говорил, что ты, скорее всего, окажешься обычной наружности, а я – что ты затмишь звезды. Он с радостью признал свое поражение.

Лэйола смерила его полным отвращения взглядом. После всего, что он сотворил, мерзавец осмеливался рассуждать о ее внешности? И как он вообще смеет упоминать Фэннана?

– Оставь свои любезности при себе, змей. Они тебе не помогут.

Олдрич нахмурился и потянулся к ней, но Лэйола с отвращением отступила, сцепив ладони за спиной. Пусть раньше она и принимала его помощь, но теперь, сытая и умытая, она намеревалась использовать каждую крупницу своих сил, чтобы дойти самостоятельно.

– Упряма, как и всегда. Что придало тебе этот новый всплеск энергии? – приподнял бровь Олдрич. – Еще недавно ты едва держалась на ногах.

Лэйола с трудом сглотнула, вспомнив о Рейне и о приказе не давать ей еды.

– Горячая ванна творит чудеса.

Сделав шаг, она притворно оступилась, и он тут же схватил ее за руку, не давая упасть. Лэйола с неохотой ухватила за его локоть, чтобы он не заподозрил, что служанки помогли ей больше дозволенного.

– На одном упрямстве далеко не уедешь. Я лишь хочу помочь тебе, – сказал Олдрич. – Это не уловка.

– Помочь? – усмехнулась Лэйола. – Теперь ты хочешь мне помочь? Где же ты был, когда я умирала от голода? Где ты был, когда я хотела выбраться из той комнаты? Где...

Она умолкла. Все вокруг поплыло, голова закружилась, и Лэйола тяжело оперлась на Олдрича. Возможно, он был прав насчет ее упрямства.

– Я ничего не мог поделать, но, что бы ты ни думала, я о тебе беспокоюсь. Я не хочу видеть, как ты страдаешь.

Кипя от ярости, Лэйола крепче стиснула его руку, впиваясь сломанными ногтями в предплечье. Она давно усвоила, что люди показывают свою истинную суть поступками, а слова могут ничего не значить. Смелым делам она верила больше, чем красивой лжи.

– А как же Пайпер и Фэннан? Ты хочешь, чтобы они страдали?

Она старалась идти как можно быстрее, но все равно получалось куда медленнее, чем хотелось. Слабые ноги горели от напряжения, а вместе с ними пылала и ее гордость.

– Конечно, нет. – Олдрич с досадой провел рукой по лицу. – Они мои друзья, но порой ради высшего блага приходится идти на жертвы. Их освободят, как только ты начнешь сотрудничать.

– Высшего блага? Ты считаешь, что воскрешение Черного Мага – это высшее благо? И твои друзья? Сильно сомневаюсь, что они по-прежнему считают тебя другом.

Она покачала головой при мысли о том, как они сидят в сырой камере, без еды и воды, продрогшие и ослабевшие. Или, что еще хуже, избитые и замученные.

– Послушай меня. – Он резко дернул ее на себя, останавливая у подножия лестницы. В большом зале на них смотрело несколько пар стражников. Они не сошли со своих постов у главного входа и в коридорах, но неотрывно наблюдали. Олдрич, которому их внимание было так же неприятно, как и ей, огляделся, а затем встретил яростный взгляд Лэйолы. – Если не хочешь вернуться в ту комнату, будешь делать то, что требует мой отец.

– Я скорее усну вечным сном, чем отдам свою магию этому негодяю.

Глаза Олдрича расширились, и он понизил голос почти до шепота:

– Отец этого никогда не допустит. Он найдет способы заставить тебя подчиниться. То заточение в башне было лишь для того, чтобы ослабить тебя, сломить твою волю. Впереди тебя ждет нечто куда более ужасное.

Плотно сжав губы, Лэйола гадала, какого клятого гоблина он ей все это выкладывает. Пытается выставить себя добрым эльфом на фоне злодея-отца? Затеял очередную игру разума? Не мог же он всерьез верить, что по-прежнему ей друг или что для него еще возможно искупление.

– Пусть попробует.

Олдрич вздохнул и потащил ее за собой, сжимая ее руку так сильно, что она почувствовала, как его пальцы оставляют синяки на коже.

– Матэйкис здесь. Сомневаюсь, что в своем ослабленном состоянии ты сможешь противостоять его мощи. Это вызов даже для меня.

Лэйола сглотнула подступивший к горлу ком страха. Тэйн говорил, что Матэйкис – последний, с кем бы он хотел сойтись в поединке один на один, а ведь Тэйн был самым сильным эльфом из всех, кого она знала.

– Ты делаешь все это, чтобы однажды стать Верховным Королем, но править будет нечем – от Палэйнора ничего не останется. Неужели ты не понимаешь последствий?

– У нас с отцом есть обязательства перед Матэйкисом. Мы сохраним контроль над Палэйнором, и атаки прекратятся. Это единственный способ спасти нашу землю от распространения проклятия. Знаю, ты видишь это иначе, но таково мое намерение.

– Неужели? Разве Тенэйбрис уже объявил тебя своим новым наследником? Рейна и Перл называли тебя сэром Олдричем, а не Верховным Принцем. И разве нападения прекратились?

– Он объявит. Просто выжидает подходящего момента. – Олдрич покачал головой. – А нападения прекратятся, как только они получат желаемое.

– Создатель, Олдрич, как ты можешь быть так глуп? Ты и вправду думаешь, что Черный Маг, вернувшись, не захватит Палэйнон? Он уже пытался, но твои предки не были глупцами. Твой дед погиб на войне, спасая эту землю, а твой отец собирается просто отдать ее врагу.

– Ты ошибаешься. Верховный Король прекрасно знает, что делает.

– И что же?

– Черный Маг вернет нашему народу магию. Мой отец заключил сделку. Тебе все равно, ведь ты маг, но остальные эльфы хотят вернуть свою силу.

– Ты веришь, что Матэйкис может это гарантировать? Подумай, Олдрич.

– Он и сам не хочет быть тем, кто он есть.

Все это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Тенэйбрису было безразлично, есть ли магия у других эльфов. Он жаждал ее лишь для себя. И с чего бы Черному Магу останавливать бледных, если он сам их и создал? Снова ложь, снова принуждение. Олдрича обманом заставили в это поверить или все это было уловкой, чтобы склонить ее к сотрудничеству?

Они подошли к обеденному залу, и двери, украшенные искусной резьбой, распахнулись внутрь. Двое стражников приветственно склонили головы. Лэйола вдруг почувствовала, как ее ноги налились свинцом, будто каменные глыбы приковали ее к месту. Что же ждало ее в этом зале...

Олдрич положил руку ей на спину, мягко подталкивая вперед. Глубоко вздохнув, она сделала шаг, затем еще один, каждый из которых казался шагом к неминуемой гибели. Эльф, убивший ее родителей и отнявший у нее Тэйна, был одет в зеленую тунику с высоким воротом, расшитую листьями плюща и украшенную золотыми пуговицами. На его прямых светлых волосах сверкала золотая корона с изумрудами и алмазами, чей блеск придавал его алебастровой коже немного тепла. Его хрупкое телосложение и узкие плечи ничем не напоминали могучую фигуру Тэйна. Но больше всего ее тревожил его взгляд – взгляд голодного волка, что затаился в ожидании добычи под личиной изысканных одежд и неземной красоты эльфийского лица.

Лэйола окинула взглядом зал. Она ела здесь множество раз, но обстановка изменилась. Вместо синих гобеленов стену с окнами теперь украшали зеленые, появился новый стол из медового дуба, уставленный дорогой серебряной посудой. Даже успокаивающие зеленые растения сменили горшки с алыми розами, словно Тенэйбрис хотел уничтожить все, к чему прикасался Тэйн. Висевшую на стене картину заменил портрет самого Тенэйбриса в полный рост, заключенный в броскую золотую раму. Но хуже всего было то, что Тенэйбрис сидел во главе стола – там, где когда-то сидел Тэйн. Он указал на стул рядом с собой. На то самое место, которое Тэйн, по его словам, предназначал для своей нареченной. Создатель, как же она хотела, чтобы он был здесь, чтобы, зажмурившись и открыв глаза, она увидела его. Но Тэйна не было, и ей не хотелось ничего сильнее, чем схватить со стола нож и вонзить его в сердце Тенэйбриса.

По ее шее пробежал холодок, и она резко обернулась.

Бледный, чья кожа и волосы были светлы, как выбеленные солнцем кости, провел черным ногтем по ее плечу.

– Здравствуй, красавица, – промурлыкал он. Черные глаза Матэйкиса впились в знак лилии, что виднелся из-под короткого рукава, и он облизнул свои угольные губы. – Наконец-то мы встретились.

Она содрогнулась от его прикосновения и близости и отстранилась.

– Я не укушу, – усмехнулся Матэйкис, и в его злой ухмылке сверкнули острые, точно у хищника, зубы. – За последние несколько сотен лет я научился сдерживать свои порывы. Не тревожься, моему господину ты нужна живой и невредимой.

С презрительной усмешкой Тенэйбрис поднялся и указал на стол.

– Садись.

Приказ прозвучал отрывисто и властно, а губы его были поджаты так, словно он надкусил лимон.

Матэйкис вошел в комнату, ступая плавно, будто скользя над полом. Его длинный черный плащ струился следом, растекаясь у ног темной лужей. Он занял свое место и поднял бокал, наполненный темно-красной жидкостью. Когда он взболтал содержимое, Лэйола невольно сглотнула, замороженная густотой напитка, который явно не был вином.

– Я сказал, садись, – рявкнул Тенэйбрис.

Лэйола замерла. Она вытерла вспотевшие ладони о платье.

«Беги, беги, беги», – твердил внутренний голос. Ее взгляд метнулся к трем выходам. Успеет ли? Даже распахнутое окно, впускавшее теплый ветерок, казалось заманчивым. Она была не в том состоянии, чтобы сражаться с бледным – проклятым эльфом-людоедом. Ненасытным и смертоносным по своей природе.

Сердце бешено колотилось. Лэйола попятилась к коридору и наткнулась на Олдрича. Тревога, пронзившая ее, наполнила силой некогда ослабевшие ноги. Она сможет добраться до прохода для слуг, спрятаться.

– Подойди. Сядь.

Голос Матэйкиса изменился, стал мелодичнее и глубже, в нем появилось легкое эхо. Лэйола невольно шагнула вперед.

«Нет, нет, я не хочу», – подумала она, но продолжала идти. Она медленно мотнула головой, не в состоянии остановиться. От нарастающего ужаса задрожали руки. Дойдя до стула, она вцепилась в его спинку и вскинула подбородок.

Матэйкис улыбнулся:

– Какая упрямица. Ты не первая, кого я сломя.

Верховный Король скривил губы и метнул в Олдрича суровый взгляд:

– Не стой столбом. Займись делом.

Олдрич схватил ее за бедра, развернул к стулу и, усадив, придвинул к столу. Вот же ублюдок. Лэйола все еще ощущала призрачные прикосновения его ладоней, и от отвращения у нее вспыхнуло лицо. Однако горечь быстро отступила при виде миски, до половины наполненной спелыми фиолетовыми ягодами, и тарелки с индюшачьей ножкой и булочкой, смазанной маслом. Лэйола вдохнула насыщенный аромат мяса, и у нее потекли слюнки, а желудок заурчал, словно требуя немедленно откусить кусок. На мгновение она задумалась, почему от Матэйкиса не пахнет гнилью, как от других, с кем ей доводилось сталкиваться. Возможно, запах еды все заглушал.

– Ты голодна, – произнес Тенэйбрис. – Ешь, Лэйола.

Под рукой не оказалось ни столовых приборов, ни чего-либо, что можно было бы использовать как оружие. Нож короля лежал слева от него, а она сидела справа. Несмотря на мучительный голод, Лэйола держала руки на коленях. Все это было в корне неправильно. Ее вырвали из объятий Тэйна, обрекли на голод, а теперь усадили за стол и предлагают разделить с ними трапезу, будто ничего не случилось.

Олдрич выдвинул стул рядом с ней и сел:

– Когда прибудет дракайна?

Дракайна? В памяти тут же вспыхнули образы: вот она вонзает кинжал в грудь вердрака, едва не лишается руки и наконец видит черную когтистую лапу, что вспорола живот Тэйна. Лэйола зажмурилась и глубоко вздохнула, пытаясь унять тревогу, что снова подступала к горлу. Нельзя поддаваться панике, нельзя терять сознание. Не здесь.

– С минуты на минуту, – ответил Матэйкис.

Словно по команде, двери со шелчком отворились. Лэйола повернула голову. Жемчужно-белое платье, шлейфом тянувшееся за Варлетт, облегало изгибы ее тела, будто было нарисовано на нем. Она была прекрасна: яркая смуглая кожа и золотые кудри, водопадом ниспадавшие до самых бедер.

– Матэйкис, мой дорогой, – проворковала она, и стук ее каблуков громко разнесся по блестящему каменному полу. – Как же давно мы не виделись.

Даже от ее голоса по спине Лэйолы пробежали мурашки. Если и был кто-то, кого она желала убить больше, чем Тенэйбриса, так это мерзавка Варлетт. Если бы не она, Лэйола все еще была бы с Тэйном. Они бы вместе сбежали через портал. Она могла бы сейчас обнимать его, целовать, любить.

– Варлетт. – Взгляд Матэйкиса без тени скромности жадно пожирал ее. – Ты как всегда восхитительна.

«Какая мерзость, меня сейчас стошнит», – подумала Лэйола.

Тенэйбрис поднялся и указал рукой на стул рядом с Матэйкисом.

– Добро пожаловать, Варлетт.

Лэйолу чуть не вывернуло от этих формальностей, соблюдаемых так, словно перед ней было не сборище отвратительных чудовищ.

О да, давайте все будем вести себя как ни в чем не бывало, забыв, что эти двое пожирают нам подобных.

Варлетт заняла предложенное место и, окинув Лэйолу взглядом через стол, цыкнула.

Театрально надув нижнюю губу, она промурлыкала:

– Ты выглядишь такой печальной, бедняжка. Не могу представить почему.

Она хихикнула, словно то, что она сделала с Тэйном, было забавной шуткой.

По телу Лэйолы разлился жар. Будь у нее доступ к магии, она бы с наслаждением вырвала жизнь из этой твари, наблюдая, как та задыхается в агонии.

– Сука.

Улыбаясь, словно добилась именно той реакции, какой хотела, Варлетт проговорила:

– Какая дерзкая. А я-то думала, что заточение в башне усмирит твой язык.

Тенэйбрис расправил плечи:

– Мне нужно знать, сделала ли ты то, о чем я просил.

Голос его звучал резко и сурово.

Варлетт изогнула бровь. Наклонившись вперед, она застучала по столешнице своими длинными, почти восьмисантиметровыми когтями. Клац, клац, клац. От этого звука у Лэйолы по коже пробежал мороз.

– Я разорвала их связь. Можешь сам проверить ее запястье, если желаешь. Не понимаю, почему ты до сих пор этого не сделал. Она у тебя уже не одну неделю.

– Речь не об этом. Он мертв? Я велел тебе вернуться и убедиться в этом. Нельзя допустить, чтобы он явился за моей головой. Тэйн уже пытался меня убить, а до меня доходят... слухи.

Сердце Лэйолы замерло. Слухи о том, что Тэйн жив?

– Во-первых, ты не смеешь мне указывать. – Она перевела взгляд на Лэйолу. – Я оставила его истекать кровью на лесной земле с дырой в животе. Сомневаюсь, что даже он смог бы такое пережить. – Варлетт снова повернулась к Тенэйбрису. – Но, полагаю, он мог и выжить. В конце концов, он... особенный.

Резкие складки у рта Тенэйбриса пролегли еще глубже.

– Мне нужны были гарантии. Я заплатил тебе сполна.

– Может, мне следовало принести тебе голову твоего сына? Уверена, твоя наивная женушка пришла бы от такого в восторг. – Варлетт громко расхохоталась. – Я и так оказала тебе услугу. Если он жив, теперь это твоя забота.

– Моя забота? – рывкнул Тенэйбрис. – Думаешь, он не придет и за тобой?

Глаза Варлетт сверкнули, и она улыбнулась.

– Я с радостью приму вызов. Люблю поиграть с мальчишками.

Кулаки Лэйолы сжались. Создатель, как же ей хотелось перелететь через стол и задушить эту женщину. Было странно, что они говорят об этом при ней, словно она была частью их коварного сговора или ее здесь и вовсе не было. Впрочем, это говорило о многом. Они не видели в ней угрозы. Не боялись, что она потеряет самообладание и перережет их всех, хотя именно этого ей и хотелось. Но, как и они, Лэйола знала: в нынешнем состоянии она на это не способна. Без оружия, без магии, почти без сил от голода – она не представляла опасности. Недели, проведенные в башне, не прошли даром – таков был его замысел.

Олдрич коснулся руки Лэйолы.

– Можешь есть, все в порядке, – прошептал он. – Обещаю, еда не отравлена.

Яства так и манили ее, но она упрямо покачала головой.

– Ешь, – приказал Матэйкис таким густым, властным голосом, что ее тело невольно подчинилось. – Скоро тебе понадобятся силы.

Больше не в силах сопротивляться, Лэйола поднесла индюшину ножку к губам и впи-лась в нее зубами. Сочное, жирное, соленое мясо показалось ей вкуснее всего, что она когда-либо пробовала. Проглотив первый кусок, она едва не застонала от удовольствия. И хотя ей хотелось воспротивиться приказу, просто чтобы доказать, что она еще на что-то способна, уступить было слишком легко.

Откусив несколько раз, Лэйола подняла взгляд. Матэйкис и Варлетт наблюдали за ней с пугающей, хищной пристальностью. Даже в человеческом обличе Варлетт походила на дракона, который не прочь закусить эльфийкой. Лэйола прочистила горло и сделала долгий глоток воды. Пожалуй, ей самой стоит сыграть в их игру.

– Итак, я здесь потому, что вы хотите, чтобы я вернула Черного Мага. Как мне это сделать? Моя магия создает лишь лозы да цветы. Какое это имеет отношение к нему?

– Об этом побеспокоимся, когда придет время, – ответил Матэйкис. – А пока ешь досыта.

– Зарахель сам сказал, что эльфийская чародейка с меткой лилии родится, дабы обеспечить его возвращение, когда он... умрет. – Варлетт запнулась на последнем слове, и это заставило Лэйолу задуматься. – А затем встанет подле него.

Индейка выскользнула из пальцев Лэйолы и со звоном упала на стеклянную тарелку. Встать подле самого злобного мага из всех, что когда-либо жили? Как такое возможно? Ложь. Должно быть, это ложь. Лэйола никогда не примкнет к нему.

– Он был провидцем?

– Он был многим.

Почему они скрывают подробности? Неужели это будет стоить ей жизни? Нет, не может быть, раз они верят, что после она встанет на его сторону. Может, она как-то лишится своей воли, будет им околдована? Или, быть может... Лэйола снова взяла в руки ножку индейки.

– А вы сами-то знаете, как его вернуть?

Матэйкис впери в Лэйолу немигающий взгляд угольно-черных глаз.

– Зарахель не оставлял такое на волю случая. Полагаться на судьбу – удел богов.

Тенэйбрис постучал пальцами по столу.

– Тебе не нужно ей ничего объяснять. Она так или иначе сделает что от нее требуется.

– Я жила, когда по этому миру еще ходили древние боги, – хвастливо перебила его Варлетт. – Я знаю больше, чем ты когда-либо сможешь постичь, Лэйола. Ты всего лишь наивное дитя, не забывай об этом.

Лэйола попыталась скрыть изумление, но брови ее невольно поползли вверх. Варлетт, должно быть, не меньше двух, а то и трех тысяч лет. Странно, что она решила это подчеркнуть. Возможно, ей было не по себе сидеть за одним столом с теми, кто смел бросить ей вызов. Она

ведь сама говорила, что власть – это именно то, чего она жаждет превыше всего. А может, просто хотела унижить Лэйолу, лишить ее последних крупниц уверенности.

– Если ты так стара и всеведуща, то зачем тебе понадобился Зарахель? Зачем тебе вообще была нужна его магия? Или моя, раз на то пошло.

Уголок рта Варлетт дернулся.

– Это называется верность.

– Ты же сама говорила, что он любил власть больше, чем тебя, и потому вы расстались.

Золотые глаза Варлетт сузились, но на губах ее заиграла змеиная улыбка. Рассмеявшись, она повернулась к Матэйкису.

– У этой девчонки весьма острый язык, не правда ли?

Внезапно она метнулась через стол, сметая бокалы и яства, и прижала длинный черный коготь к сомкнутым губам Лэйолы.

– А если не замолчишь, я вырежу его и сожру.

Лэйола вжалась в спинку стула, подавляя желание оттолкнуть Варлетт. Она понимала, что сейчас, да и, возможно, никогда, не сможет противостоять ей в схватке.

Тенэйбрис наблюдал за этой сценой с явным удовольствием, его губы тронула улыбка.

– Возможно, ей действительно не понадобится язык для достижения наших целей. Так же, как и уши.

Черные, похожие на щели зрачки Варлетт расширились, и она глубоко вдохнула.

– А пахнешь ты и впрямь славно, и эти изящные ушки станут прекрасным дополнением к моей коллекции. Сделаю из них ожерелье и добавлю кости из твоей кисти.

– Довольно, – небрежно бросил Матэйкис. – Она должна быть невредима.

Это не было магическим приказом, но Варлетт все же отступила и снова скользнула на свой стул. Однако в ее глазах горела жгучая, как пламя, ненависть, и не зная Лэйола всей подоплеки, она бы решила, что это нечто личное.

Лэйола снова взяла в руки индюшачью ножку, пытаясь сделать вид, что это не она только что чуть не обмочилась от страха.

– А теперь к делу, – произнес Тенэйбрис. – Вот тебе небольшая демонстрация того, что тебя ждет, если вздумаешь бунтовать и откажешься сотрудничать.

Олдрич шумно заерзал на стуле. Он и Лэйола обменялись взглядами, и в растущем на его лице ужасе было что-то очень тревожное. Двери с грохотом распахнулись, и двое стражников втащили женщину. Ее голова поникла, а ноги волочились по полу, словно она была без сознания. Грязная, мшисто-зеленая туника была разорвана на плече, а непомерно широкие штаны едва держались на бедрах. Рыжие волосы, некогда яркие, как спелые ягоды, потускнели от грязи и копоти. Чья-то рука схватила ее за макушку и резко вскинула лицо вверх. Лэйола ахнула, увидев на нежном лице Пайпер синяки и несколько глубоких порезов.

Пайпер уставилась на нее единственным не заплывшим глазом:

– Не соглашайся. Пусть лучше они убьют меня, Лэйола.

Глава 3

Неподалеку тихо журчал ручей, а песни ласточек, доносившиеся с пестрых крон деревьев, так околдовали Тэйна, что на миг позволили забыть о боли. Тяжело дыша, напрягая все мышцы, он уперся ладонями в каменный край колодца, перенеся на них почти весь свой вес. Прикрыв глаза, он вслушивался в умиротворяющие звуки природы, так не похожие на агонию, терзавшую его душу. Он отчаянно рвался к Лэйоле, но спустя три недели ему едва хватало сил, чтобы дойти до колодца у хижины мага Весстана. Еще ни одно ранение не заживало так долго, но и так близко к смерти он еще никогда не был. Лишь воля Создателя позволила ему выжить. Иначе он бы погиб в тот день и, поскольку узы их союза были разорваны, Лэйола оказалась бы в безопасности. Как бы ни мучила его мысль о потере этой связи, частичка его души испытывала благодарность. Это означало, что ей не придется умирать вместе с ним.

Он ухватился за свисавшую над колодцем веревку и, перебирая руками, потянул, пока из темноты не показалось ведро. Целебные воды Калладиры омыли его горло и наполнили желудок. Маленькая сине-золотая бабочка опустилась на его обнаженную грудь. Ее крошечные крылышки трепетали, и он на миг вспомнил, как однажды сказал Лэйоле, что бабочки приносят удачу. Сейчас удача была ему необходима.

Опираясь на высокий белый посох, Тэйн медленно брел к желтому домику, преодолевая боль, что терзала его грудь. Любое движение отдавало мукой в рваной ране – зазубренной восьмиконечной звезде из розовой, воспаленной плоти. Увечье размером с ладонь, пронзившее тело на несколько сантиметров выше пупка, было слишком глубоким. У Тэйна не было уверенности, что оно когда-нибудь затянется, как затягивались все раны до этого.

На небольшой деревянной веранде, нежась на солнце, в кресле качался маг Весстан. Его седые волосы и борода сияли в лучах солнца, становясь еще белее, но в глазах, вопреки возрасту, светилась юношеская радость. Тэйн не завидовал его безмятежности, но отчаянно желал обрести подобное спокойствие.

Он подошел ближе, и Весстан, не открывая глаз, произнес:

– А теперь снова назад. Давай. Еще десять раз, и сможешь отдохнуть. Завтра я хочу, чтобы ты бегал трусцой. Представляй ее лицо. Ты справишься.

– Ты издеваешься надо мной, старый маг, – пробормотал Тэйн, но на его губах уже играла улыбка, когда он развернулся.

Эти слова пробудили в нем воспоминания о юности, когда Весстан заставлял его часами бегать, нырять и кувыркаться на полосе препятствий, прежде чем вообще допускал до занятий магией. *«Ты должен уметь сражаться, преодолевая боль и неудобство, доводить свое тело до предела, чтобы овладеть своей силой»*, – говорил он.

Сделав глубокий вдох и медленно выдохнув, Тэйн двинулся вперед, считая каждый шаг, чтобы отвлечься от пронзающей боли в груди. Через сто пятьдесят семь шагов он снова остановился у колодца, тяжело опираясь на деревянный посох. После того как Варлетт пронзила его насквозь, он почти всю первую неделю провел в лихорадочном тумане. Тот день вспыхнул в его памяти: казалось, все нутро горит огнем, достаточно жарким, чтобы поглотить его целиком. Он едва мог дышать, не мог пошевелиться. Крики Лэйолы, когда она напала на Варлетт, до сих пор преследовали его в кошмарах.

Он отчаянно хотел подняться и помочь ей, но не смог. Сил хватило лишь на то, чтобы дотянуться и коснуться кончиками пальцев каменного портала.

– Забери нас обоих. Забери Лэйолу и меня в безопасное место.

Тэйн не смог произнести это вслух, но портал, оживая, загудел. Вместе с силами исчезла и способность пройти сквозь него, но Тэйн все еще надеялся, что портал сможет их перенести. Словно подхваченный сильным порывом ветра, он оторвался от земли.

– Лэйола, – взмолился он.

Но тихий голос прошептал:

– Она слишком далеко.

Сознание то возвращалось к нему, то ускользало, пока над ним не возникло лицо Весстана. *«Передай Лэйоле, что я приду за ней»*. Это были его последние слова, прежде чем он почти на неделю утратил чувство времени и реальности. Когда же он наконец пришел в себя настолько, чтобы отличать день от ночи, то немедленно послал весть Лейфу, своему яростному рыжеволосому воину с Востока. Он приказал собрать Воронов в глубине Леса Светлого Сердца и ждать его там. До него дошли слухи, что Пайпер, Фэннан и Олдрич вместе с другими Воронами томятся в темнице. Создатель, как он мог бросить своих друзей на растерзание? Пусть они и стояли насмерть, приказывая ему бежать, он не должен был их слушать. Это не спасло Лэйолу. Ничего не дало, кроме горя. Что им приходится терпеть сейчас? От мыслей о жестокости, на которую был способен его отец, и без того постоянная тошнота лишь усилилась.

– Вересковую Лошину сожгли дотла несколько дней назад, – донесся с крыльца голос Весстана.

Тэйн резко обернулся, ощутив внезапный прилив сил.

– И ты говоришь мне об этом только сейчас?

– Я послал весть тетке Лэйолы сразу после твоего прибытия, велел ей убираться. Судя по тому, что донесли птицы, она и жители покинули город до прихода солдат. Но те, конечно, все равно предали его огню, в своем духе.

Тэйн, скрипнув зубами, попятился, глухо ворча и бормоча проклятия себе под нос. Лэйола любила этот город, он был ей домом, но, по крайней мере, ее тетя и друзья остались живы. Создатель, хотя бы так.

Птицы в кронах осенних деревьев щебетали назойливо и громко. Неужели у них нет дел поважнее, чем принести ему вести о Лэйоле? Синяя сойка затянула свою трель. Он впился в нее яростным взглядом.

– Не удивлюсь, если она появится здесь, – произнес Весстан, плавно покачиваясь в кресле.

– Кто?

– Тетя Лэйолы. Ты называл ее Эвалин. В лихорадочном бреде ты все повторял: «*Скажи Эвалин бежать. Вересковая Лощина*». Я отправил письмо, в котором все объяснил и указал, где тебя искать. Все-таки приятно, когда под рукой есть гном, умеющий говорить с птицами.

Тэйн шел вперед и вместо усталости, которой он ожидал, чувствовал медленный прилив сил. Возможно, движение было именно тем, что ему нужно.

– Искать меня? С чего ей мне доверять? Она же видела, как я, угрожая ножом, похитил Лэйолу прямо из их дома.

Зачем он вообще это сделал? Сейчас этот поступок казался глупостью, но и Лэйола сильно изменилась за те месяцы, что прошли с похищения.

Весстан пожал плечами:

– Чутье. Ты единственный, кто может спасти Лэйолу из замка Мракбург.

Тоненький вскрик заставил Тэйна подскочить на месте. Он обернулся. Из леса выбегала Тифапайн, а за ней по пятам гналась лиса. Верхняя губа хищницы задралась, обнажая два ряда мелких острых зубов в предвкушении скорой трапезы. Эта гномка его доконает. Он был в этом уверен.

– Помогите! – взывала Тиф.

Ее каштановые кудри подпрыгивали в такт с маленьким выпирающим животиком на крошечном, не более тридцати сантиметров ростом, тельце.

Тэйн вздохнул с недовольством. Бросив посох, он сорвался в самый быстрый бег, на какой только была способна его хромяя нога. Он проклинал и себя, и злосчастную дракайну за то, каким медлительным стал по сравнению с тем эльфом, каким был когда-то.

Взмахнув руками, он крикнул:

– Назад!

Лиса замерла. Ее большой пушистый хвост застыл в воздухе, но хищный взгляд по-прежнему был прикован к гномке.

Платье Тиф зацепилось за что-то, и она упала, скрывшись в густой зеленой траве. Нахальная лисица снова ринулась к ней. *Проклятое создание*. Тэйн вытянул руку, сосредоточив всю свою энергию на магии. Тифапайн поднялась в воздух и пролетела к нему. Она визжала, как умирающая кошка, пока не оказалась в его руках, словно в колыбели. Тэйн невольно закатил глаза от этого представления.

Дрожа всем своим маленьким тельцем, Тиф вцепилась в него, вонзая острые ногти в предплечье.

– У меня кружится голова.

– Прочь! – крикнул Тэйн лисе и топнул ногой.

Маленький пушистый зверек развернулся и скользнул обратно в тени, пока совсем не исчез.

Тяжело дыша, Тэйн произнес:

– Тифапайн, сколько раз я говорил тебе не ходить в лес одной?

Выпятив нижнюю губу, она всхлипнула:

– Ты велел мне оставаться на поляне, потому что в лесу опасно. Но я проголодалась, а ягоды росли совсем рядом, у самой кромки деревьев. Большие, сочные, красные. Я ела их несколько дней. А потом пришла эта здоровенная злая лиса и все испортила.

Погоня за Тиф и колдовство отняли у Тэйна все силы, и боль в животе вспыхнула с новой, жгучей, пульсирующей силой. Покачав головой, он прерывисто вздохнул и побрел обратно к хижине. Та самая синяя сойка, что он видел ранее, камнем слетела с небес прямо перед ним и принялась отчаянно щебетать. Брови Тэйна поползли вверх, когда Тифапайн, понимающе кивнув, прижала ладонь ко рту. Что же эта птаха могла ей поведать? Он до сих пор не мог привыкнуть к тому, что она способна разговаривать с птицами.

– Нет! – донеслось сквозь ее пальцы, и она опустила руку. – Ты серьезно?

Тэйн переводил взгляд с синей сойки на Тифу:

– Что?

Птица продолжала неистово чирикать, а Тифапайн лишь загадочно повторяла свои «нет» и «о Создатель». Терпение Тэйна было на исходе, но тут сойка наконец упорхнула прочь. Вздохнув, он стиснул зубы и хмуро посмотрел на Тифапайн.

– Ах, я вечно забываю, что ты не понимаешь птичий щебет. – Она прочистила горло. – Сойка сказала, что Лэйолу забрали из башни и что в замке теперь хозяйничает дракониха, а с ней еще какой-то бледный по имени Мат-а-вис.

– Кис, – поправил Тэйн.

– Кис, говоришь? – Тиф удивленно вскинула брови. – Ты помолвлен с Лэйолой, но, полагаю, можешь позволить себе такую игривость в мой адрес.

– Матэйкис, – Тэйн закатил глаза. – Его зовут Матэйкис.

– О, – протянула она, заливаясь румянцем. – Ясно. Клянусь, я уже слышала это имя. Звучит зловеще. Мы его знаем?

Тэйн прикрыл глаза и потер переносицу.

– Ах да, ты ведь в курсе, что ее не кормят? Я тебе говорила? – Ее и без того румяные щеки вспыхнули еще ярче, а на губах появилась виноватая улыбка.

Тэйн опустил Тиф на землю и сжал кулаки так, что ногти впились в мозолистые ладони.

– Нет, эту важнейшую подробность ты упомянуть забыла, – огрызнулся Тэйн. Он зашагал еще быстрее, не обращая внимания на пульсирующую боль, а в голове у него все смешалось. Он должен добраться до нее. Сейчас же. – И как, вечно болтая без умолку, ты умудрилась об этом не рассказать? Ты готова без конца трещать о том, как свалилась с дерева, пытаешься стащить птичье яйцо, но о голодающей Лэйоле – ни слова.

Эта гномка была просто невыносима. Может, стоило позвать обратно ту лису?..

Тиф нахмурилась и побежала рядом, чтобы не отставать.

– Ну, во-первых, это была не просто птица, а Калладиранская пересмешница, а я их ненавижу. Они злющие – одна как-то раз пыталась выклевать мне глаз. Годятся они только на яичницу к завтраку. Больше всего мне нравятся голубые сойки и воробьи. А вот вороны, честно говоря, меня немного пугают. И я узнала об ужасном положении Лэйолы всего пять дней назад. Да и не смог бы ты тогда встать с постели, чтобы пойти ей на помощь. Я подумала, что тебе сперва нужно исцелиться, иначе ты бы ушел, не оправившись от ран. Поверь, хранить эту тайну было тяжело. Я никогда не была сильна в хранении тайн, особенно от моего Верховного Короля.

Если она не прекратит болтать... Тэйн застонал:

– Я мог бы найти способ послать ей еду. А теперь, когда от меня неделями нет ни весточки, она, верно, думает, что я ее бросил или погиб.

Он с таким трудом добился ее доверия. Кто знает, что теперь творится у нее в голове.

Тиф взглянула на него снизу вверх, ее подбородок дрожал:

– Очень надеюсь, что она не думает, будто ты ее покинул. Моя бедная Лэйола, замерзшая, голодная и отчаявшаяся. Птицы говорят, она много плачет. Мне следовало пойти с ней, но этот проклятый портал затянул и меня, когда поглотил тебя. Я ведь была рядом, как раз лезла в свою суму за целебными листьями.

Гномка вздохнула:

– Я пыталась отправить ей мешочек ягод, но моих почтовых птиц одну за другой сбивают. Старина Блю – мой последний солдат. Никто из остальных не рискует подлетать близко даже ради разведки.

– Почему ты оказалась рядом, когда меня затянуло в портал?

Не то чтобы гномка была ему совсем неприятна, но возиться с ней – все равно что нянчиться с ребенком. Обуза, которая сейчас ему совсем ни к чему.

– Я же сказала: доставала целебные листья.

– Я о том, как ты нас догнала? Ты же медлительная, как улитка.

– Ну, это грубо. – Она откинула каштановые кудри за плечо. – Как бы то ни было, когда Лэйола крикнула «бегите», я и побежала за вами. Разумеется, она хотела, чтобы я была с ней. Когда ты оставил Фантома и скрылся в лесу, я взобралась на коня, и мы последовали за тобой. Бедная лошадка, интересно, где он теперь.

Крепко прижав ладонь к ране, Тэйн осторожно наклонился, чтобы поднять свой посох. Тифапайн была права. Он не готов к штурму замка, но выбора нет. Кто знает, что Матэйкис и Варлетт могут сделать с Лэйолой. Отец морил ее голодом почти четыре недели? Словно этого было мало. Опираясь на посох, Тэйн направился к Весстану. Его сапоги тихо шуршали в густой траве, и он отмахнулся от пчелы, прожужжавшей у самого уха. Нужно переодеться, вооружиться и собрать небольшую сумку с припасами. Миновав Весстана, он толкнул белую дверь домика.

– Мой отец забрал Лэйолу из башни. Матэйкис и Варлетт там. Я должен идти.

С такой быстротой и силой, какой Тэйн не видел у Весстана уже много лет, старый маг вскочил и устремился за ним.

– Ты не в том состоянии. Тебя убьют, и какая от тебя тогда будет польза? Ей? И хоть кому-то из нас?

Тэйн прислонил посох к стене и оставил его. Навсегда. Боль, что терзала его изнутри, была сильна, но он уже свыкся с ней. Даже целебные листья и мази не могли унять ее, и боль стала его вечной спутницей. Впрочем, стоило перестать о ней думать, как она, казалось, немного отступала. Возможно, ему и впрямь нужно было уйти отсюда. Это помогло бы отвлечься от всего, что он вынес за последний месяц. От пыток в клетке Ньюардена от рук Брунарда, последовавшего сразу после сокрушительного удара дракайны. Но хуже всего была потеря Лэйолы. Их магическая связь разорвалась именно тогда, когда они поняли, что любят друг друга по-настоящему. Когда приняли, что им суждено быть вечными спутниками. Создатель, он любил эту эльфийку больше собственной жизни.

– Я не могу больше сидеть здесь сложа руки.

Тэйн схватил темно-коричневую кожаную сумку и прошелся по комнате, собирая вещи, что пригодятся в дороге.

Весстан неотступно следовал за ним.

– Посмотри, как тебя изнурила пробежка в несколько шагов. И ты надеешься в одиночку сразиться с хорошо обученными солдатами? Снова биться с Матэйкисом или вердраком? Ты едва выжил, Тэйн. Если бы не твоя кровь и целительная мазь, ты был бы мертв. Ты же знаешь, я бы с радостью помог тебе больше, но моих сил не хватит.

– Силы возвращаются ко мне. В таком состоянии мне потребуется день или два, чтобы пешком дойти до портала, а потом еще время до замка. Надеюсь, к тому моменту не будет слишком поздно.

Он уже начал обдумывать план. К замку вели всего два пути: через мост или вниз по горному склону, в который была встроена крепость. Это означало, что пригодный маршрут был только один.

– Одумайся. Тебе нужен отдых.

Свирепо взглянув на него, Тэйн обернулся:

– Я отдыхал неделями, пока любовь всей моей жизни голодала, и кто знает, что еще с ней делали! Больше я отдыхать не стану.

Весстан выждал несколько мгновений и мягко произнес:

– Тэйн, ты сегодня впервые смог выйти из этой хижины. Раньше тебе требовался всего день или два на исцеление, но в твоём нынешнем состоянии до портала ты не доберешься.

– Нет. Доберусь.

Благодаря решимости он мог свернуть горы. Он верил, что это возможно, а значит, так оно и было. Именно так он справлялся со всеми трудностями в прошлом. Тэйн сунул в сумку сменную одежду и плащ. Вскоре он уже застегнул оружейный пояс, закрепил мечи за спиной и был готов выйти за дверь.

Весстан вскинул подбородок и взял свой посох:

– Тогда я иду с тобой.

Сжав челюсти, Тэйн уставился на Весстана. Старый маг неплохо передвигался по этой небольшой поляне, но такое путешествие было ему не по силам, а сам Тэйн в своём состоянии помочь бы не смог.

– Ты справишься?

– О, я не так слаб, как тебе кажется.

В этот момент с кухонного стола раздался пронзительный визг Тиф, указывающей на окно.

– Эльфы! Сюда идут два эльфа! Нет, три!

Тэйн и Весстан быстро переглянулись. Прекрасно. Теперь им придется держать ответ перед Лесными эльфами, и оставалось лишь надеяться, что Тэйна не узнают. Если только... Он подошел к окну.

– Кто знает, что я здесь?

– Только Лейф и Эвалин. Однако нашу переписку могли перехватить.

Отдернув белую занавеску, Тэйн выглянул наружу. К дому приближались двое мужчин в рыжевато-коричневых плащах с накинутыми капюшонами. На них были темно-зеленые туники с кожаными наручами, черные перчатки и штаны угольного цвета. Оба были увешаны оружием: мечами и кинжалами. У того, что шел слева, на бедре висел небольшой топор. Между ними ступала более хрупкая фигура, вероятно, женщина, закутанная в плащ цвета темного шоколада. С такого расстояния было не разобрать, друзья это или враги.

Глава 4

Лэйола замерла, глядя на Пайпер. Синяки и порезы покрывали ее тело, щеки ввалились, а одежда висела мешком на исхудавшей фигуре. *Ох, Пайпер.* Лэйола рыдала в башне, жалея себя, а ее подруга, очевидно, претерпела куда худшие муки. И все же она с вызовом вскинула подбородок, готовая умереть. Комок подступил к горлу Лэйолы, и она медленно поднялась на ноги. Ей отчаянно хотелось броситься к подруге, но нож у тонкой шеи Пайпер удерживал ее на месте.

– Пожалуйста, отпустите ее. Она здесь ни при чем.

– Ее судьба целиком зависит от тебя, – с ухмылкой произнес Тенэйбрис. Он повел худыми плечами, чтобы лучше видеть Пайпер, и коротко кивнул державшим ее стражникам. Лезвие вонзилось глубже, и по коже пробежала струйка крови.

– Нет! – взмолилась Лэйола. Ноги снова ослабели. Вопреки желанию Пайпер, она не могла этого допустить. *Думай, Лэйола, думай!*

Матэйкис улыбнулся, вновь обнажая острые клыки:

– С такими чувствительными душами так легко играть. Итак, ты согласна сделать то, что тебе велят?

Лэйоле стало дурно.

– Зачем все это, если можно было просто приказать?

Если удастся выиграть хотя бы день, чтобы найти выход из этой ситуации...

Матэйкис уставился на нее, пригвоздив к месту своими абсолютно черными глазами.

– Почему бы и нет?

Он пошевелился на стуле, и тот тихо скрипнул под его мускулистым телом.

– У меня предостаточно времени, чтобы сломить тебя, если ты предпочитаешь пожертвовать друзьями, а не просто согласиться. Мне безразлично, какой путь ты выберешь, хотя этот, признаюсь, куда занимательнее.

Сломить меня?

Она не хотела даже представлять, что это может означать, но возвращение Черного Мага будет стоить гораздо больше, чем жизнь Пайпер. Почему Варлетт не потребовала плату по

их уговору? Она взглянула на вердрака. Лэйола была ей должна. Она упомянула об этом в лесу, прямо перед тем, как... пронзила Тэйна своей рукой. Когти, что сейчас сжимали кубок с вином, не несли на себе и следа содеянного. Где ивовое ожерелье ее матери, которое Варлетт украла? Неужели оно уничтожено навсегда?

Король Тенэйбрис застонал и вскочил на ноги. Он с размаху ударил ладонью по столу, отчего зазвенела посуда. Опираясь руками о белоснежную скатерть, он тяжело подался вперед, нависая над Лэйолой. Она заставила себя не отпрянуть.

– Я брошу тебя в тюремную повозку и убью каждого, кого ты знаешь. Поняла?

Пайпер и Лэйола переглянулись. Рыжеволосая воительница едва заметно покачала головой. Проклятие. Лэйола не могла позволить Пайпер принести себя в жертву. Должен быть другой выход. Если она согласится, то выиграет время и сумеет что-нибудь придумать.

Тенэйбрис одним движением руки смахнул со стола три винных кубка. Один из них упал на пол и разлетелся вдребезги. Лэйола вздрогнула от звона разбитого стекла. В наступившей тишине было слышно, как на пол льется вино.

– Убейте ее!

– Стойте, стойте, – взмолилась Лэйола. – Я... я сделаю это. Только не убивайте ее.

Пайпер еще сильнее обмякла в руках стражников, вид у нее был совершенно раздавленный. Лэйола взглянула на Олдрича; даже после его предательства она все еще надеялась на помощь.

«Посмотри же на Пайпер», – безмолвно умоляла она. Но Олдрич лишь уставился на растекавшуюся по полу винную лужу. Трус.

Варлетт постукивала когтями по белой, запятнанной скатерти.

– Какая жалость, – проворковала она. – А я-то думала, мы хотя бы отведаем крови этой рыжей. – Откинувшись на спинку стула с ленивой усмешкой, Варлетт обратилась к Матэйкису: – Встретимся внизу. Нам нужно кое-что обсудить наедине.

Ее стул со скрипом проехался по полу, когда дракайна отодвинулась от стола и выскользнула из комнаты грациозной, бесшумной походкой.

– Встреча окончена. – Матэйкис отступил от стола. – Помни, что я сказал насчет нее, король.

Когда генерал бледных удалился, Тенэйбрис жестом приказал стражникам увести Пайпер.

– Не делай этого, Лэйола! – крикнула она, оглядываясь через плечо. – Он придет за тобой! Один из стражников завязал ей рот кляпом, и дверь за ними захлопнулась.

Лэйола, все еще не садясь, отступила от стола и встала за своим стулом. Так, с преградой между ней и королем, было спокойнее. Винное пятно на скатерти походило на кровь, и в мыслях неотступно стоял Тэйн – недвижимый, в расплывающейся алой луже. Мука на его лице, когда Варлетт вырвала у него из груди свою руку. И зияющая дыра, которую Лэйола теперь ощущала в собственной груди, – та самая недостающая его часть.

Теплое дыхание овеяло затылок, и все ее тело напряглось. Тенэйбрис грубо обхватил ее подбородок, сжал щеки, заставляя взглянуть на себя. Даже сквозь ненависть, пылавшую в ее глазах, Лэйола подумала, что кожа у него мягкая, совсем не как у воина.

– Это только начало. – Его слюна брызнула ей на лицо, и она зажмурилась. – Если думаешь, что последний месяц выдался тяжелым, просто подожди. Ты сполна расплатишься за свои выходы. Ты будешь умолять меня позволить тебе воскресить Черного Мага еще до того, как мы сами это дозволим.

Стиснув зубы, Лэйола плюнула ему в лицо. Плевков медленно пополз по его щеке. Он отмахнулся молниеносно, сбив ее с ног. Рот наполнился привкусом металла, разбитая губа запульсировала. Она проклинала себя за то, что не хотела вставать, не хотела бороться. Сколько

раз ее сбивали с ног, но она всегда поднималась? Сколько раз мужчины на тренировочном плацу валили ее на землю, но ничто не могло ее удержать? Уж точно не пощечина какого-то слабого эльфа. Но сейчас так соблазнительно было просто лежать на холодном камне, закрыв глаза. Они говорили, что сломают ее, но во многом им это уже удалось.

– Верховный Король, – тихо произнес Олдрич. – Возможно, нам не стоит навлекать на себя гнев союзников.

Что это значило? Взгляд Лэйолы, устремленный в пол, расфокусировался. *Вставай. Вставай.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.